

ЧЕГО ХОТЕЛ СТАЛИН ОТ ГИТЛЕРА В НАЧАЛЕ 1941 ГОДА?

Николай Вольский

Поведение Сталина и высшего советского руководства непосредственно перед началом войны поражает своей видимой бессмысленностью.

Как только стало возможно публичное обсуждение проблем, связанных с подготовкой СССР к войне с гитлеровской Германией и с сокрушительным разгромом кадровой Красной армии в первые же месяцы военных действий, стало очевидно, что та жалостливая сказочка, которой нас баюкали на протяжении десятилетий, о вооруженном до зубов вероломном фашистском звере, внезапно напавшем на миролюбивую советскую страну, лжива от начала до конца и не имеет ничего общего с реальными историческими событиями. Но эта пропагандистская сказка не так глупа, как кажется на первый взгляд. Всякого размышляющего человека она подталкивает к мысли, что подготовка к войне велась из рук вон плохо. Действительно, два десятилетия гражданам внушалось, что мы живем во враждебном капиталистическом окружении и вся мировая буржуазия только и думает, как уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян. Ради обороны, ради того, чтобы сохранить целостность и независимость страны, проводили индустриализацию, коллективизацию, шли на неисчислимые жертвы, но когда дошло, наконец, до дела, вся хваленая оборонительная конструкция в считанные недели развалилась как карточный домик. Грозная, «стоящая на защите наших рубежей» доблестная Красная армия с ее молодежавыми командирами и застилающими небо самолетными армадами оказалась такой же пропагандистской иллюзией, как и стахановские рекорды, комсомольские стройки и изобильные колхозные урожаи. Поэтому на первом этапе критики «сталинского мифа о войне» доказательство его лживости касались, главным образом, фактов, свидетельствующих о неподготовленности войск к обороне, и грубых просчетов военного планирования [1]. Таким образом, советская «история ВОВ» частично отступила в заранее подготовленную вторую линию окопов. Для «быдла» и для торжественных собраний - официальная версия о внезапном нападении превосходящих сил противника на «мирно спящие аэродромы», а для «посвященных», не желающих удовлетворяться этим заведомым враньем, - «настоящая правда о войне», до которой надо было самостоятельно докапываться и которая свидетельствовала, что крику о подготовке к войне было много, но на деле получилось как всегда, так что воевать против немецких танковых колонн и вооруженной «шмайсерами» мотопехоты осенью 1941 года приходилось ополченцам, имеющим одну винтовку на отделение. И на этих позициях никуда не девшаяся «советская историческая наука» стоит и до сегодняшнего дня - третьей линии обороны «сталинский миф» не предусматривал.

Именно поэтому появившиеся в начале 90-х книги В.Суворова, напавшие на исходную «историческую концепцию» с неожиданной для ее адептов стороны, вызвали такую бурную реакцию «серьезных историков», особенно из числа тех, которые как-то связаны с министерством обороны. В их саморазоблачительных воплях, почти на сто процентов сводящихся к изобличению предательской сущности автора

«Ледокола» и его связей с иностранными разведками, явственно слышится искренняя обида: «мы

так не договаривались», «пишите, если уж так вам хочется, о каких угодно ошибках Сталина или Ворошилова (и даже самого Жукова), но не нарушайте правила игры, в которых ясно сказано: Германия агрессор, а готовившийся к обороне Советский Союз - жертва неспровоцированной агрессии». Ярость «военных историков» в отношении «Грызуна и его подголосков» объясняется тем, что «эти дилетанты» - нарушители конвенции, заключенной между «учеными всего мира» много лет назад (видимо, во времена подготовки к Нюрнбергскому процессу) и подкрепленной авторитетами Гитлера и Геббельса. Если два этих несомненных негодяя обвиняли СССР в намерении напасть на Германию, то все честные люди должны отбросить подобную версию, как заведомо ложную и клеветническую. Когда же «предатель Резун», скрывающийся под именем нашего великого полководца, нарушил это неписаное правило научной полемики, крыть нашим «советским историкам» оказалось нечем, никаких инструкций на этот непредвиденный случай сталинский агитпроп им не оставил.

Ясно, что с публицистических работ В.Суворова, какими яркими они бы ни были, история участия Советского Союза во Второй мировой войне только начинается. Но столь же ясно, что возврата к продержавшейся много десятилетий официальной версии событий уже не будет, она рухнула окончательно - конвенция, которая не поддерживается всеми без исключения игроками, никакой силы не имеет. Сейчас мы можем вполне уверенно утверждать, что подготовка к завоевательному походу в Европу велась в нашей стране с огромным размахом и что реальные события лета 1941 года были лишь одним из возможных вариантов вступления СССР в активные боевые действия против Германии и ее союзников. Более того, В.Суворов и сторонники его концепции приводят многие серьезные аргументы в пользу того, что советское наступление планировалось на июль 1941 года и Гитлер, таким образом, лишь ненамного опередил Сталина в нанесении первого удара.

Трудно переоценить роль книг Суворова в разрушении тех оснований, на которых покоились многотомные «профессиональные» труды о войне, и в очищении для дальнейших исследований этого пространства, замусоренного всяческими мемуарными выдумками и сознательной фальсификацией исторических документов. Его вклад в историю XX века вряд ли будет когда-нибудь забыт. И все же в суворовской концепции «наступательной войны», которую планировало советское руководство с целью завоевания Европы, есть внутренние противоречия, не позволяющие, на мой взгляд, полностью принять ее в качестве последней исторической истины, доступной нам на сегодняшний день.

Она не объясняет многие факты и события, реальность которых никто не осмеливается оспаривать. И самое главное: важнейший тезис В.Суворова о том, что сокрушительный разгром РККА в первом периоде войны был предопределен подготовкой армии к наступательным операциям, в то время как в реальности ей пришлось обороняться от наступающих немцев, не выглядит достаточно убедительным, несмотря на весь публицистический талант автора. Каким образом подавляющее преимущество во всех видах вооружений, достаточное по планам Кремля и его Генерального штаба для разгрома обороняющихся немцев, не сыграло никакой роли в обороне от тех же самых немцев, хотя по всем канонам военной науки оборона требует гораздо меньших ресурсов нежели наступление? Почему все эти тысячи танков и самолетов были погублены, можно сказать, понапрасну, а миллионы бойцов были убиты, рассеяны и попали в плен, не изменив итога первых месяцев боев? Неужели все они (включая и высшее военное руководство) и через месяц, и через полгода после гитлеровского нападения настолько были обескуражены неожиданным для них поворотом событий, что не смогли перестроиться и организовать оборону вместо планировавшегося наступления? Можно ли считать такую - практически исчезнувшую в течение 1941 года - армию боеспособной? На какое завоевание Европы мог рассчитывать Сталин, имея эту, не способную переходить от наступления к обороне армию? Вопросы эти - чисто риторические, но беда в том, что вразумительных ответов на них в книгах Суворова найти не удается.

Принципиально новым шагом в осмыслении событий 1941 года стала появившаяся несколько лет назад книга Марка Солонина [2]. Можно сказать, что она стала первой обобщающей работой по истории войны, возникшей на расчищенной стараниями В.Суворова почве. Тщательно проанализировав мемуарные свидетельства и опубликованные архивные документы, Солонин предлагает свой ответ на вопрос о причинах разгрома РККА в начальном периоде войны. Его вывод гласит: несмотря на видимую мощь Красной армии, она была не готова вести серьезную, требующую больших жертв войну, поскольку люди, составлявшие эту армию, не отождествляли

цели войны со своими собственными целями. И только к концу 1942 года, когда людские массы поняли, что никакие их цели недостижимы без победы над Гитлером, война перешла в новую фазу и получила право называться Великой Отечественной войной. Отсюда следует, что основным фактором, приведшим к разгрому, была не нацеленность высшего командования на победоносное выступление, а внутренняя слабость военной структуры - до 1942 года основные мотивы поведения масс (в том числе и в армии) определялись не противостоянием СССР и Германии, а противостоянием между «коммунистическим начальством» и гражданами нашей страны, которые не без оснований боялись и ненавидели своих «отцов-командиров» пуще всякого внешнего врага. Таким образом, даже если бы Сталину удалось опередить немцев и, согласно концепции Суворова, начать наступление на оккупированную Гитлером Европу, это вряд ли бы принципиально изменило итоги первого года войны - до тех пор, пока Гитлер своими действиями не укрепил «морально-политическое единство коммунистов и беспартийных», не оставив ни тем, ни другим никакого иного выхода, армия и народ в целом не хотели и не могли воевать.

Согласившись с основным тезисом М.Солонина - а его книга обладает убедительнейшей внутренней логикой - мы можем вернуться к непосредственной теме этой статьи. Здесь мы не будем рассматривать действия Сталина (и послушного ему руководства страны) после 22 июня 1941 года - в значительной мере они были реакцией на действия захватившего инициативу Гитлера и определялись реальной обстановкой на фронтах Второй мировой войны. Попробуем взглянуть на политику и действия Сталина в преддверии этого рокового дня, когда у него еще была относительная свобода действий. Каковы были его оценки и планы, с точки зрения будущей неизбежной войны с Германией? Чего он ожидал от Гитлера и его союзников? Какими мотивами он руководствовался, предпринимая те или иные действия, выступая с программными речами или отдавая приказы? В чем состояли его цели и какими средствами он собирался их достигнуть? Если мы попытаемся взглянуть на события, предшествовавшие началу войны, с этой точки зрения, мы невольно приходим к выводу, сформулированному в первой фразе этой статьи: «Поведение Сталина и высшего советского руководства непосредственно перед началом войны поражает своей видимой бессмысленностью». Никакой план обороны или нападения не согласуется со всеми теми приказами, выступлениями перед курсантами, нотами, резолюциями на разведдонесениях и прочими фактами, о которых пишут историки и которые стали сегодня широко известны. И это впечатление не основывается на каких-то неизвестных документах, только что извлеченных из сверхсекретных архивов, все эти факты давно опубликованы в «открытой», как у нас принято говорить, печати.

Эти многочисленные факты таковы, что, если не сомневаться в их «фактичности» - а какие у нас основания для сомнений? их свидетелями были миллионы людей, - то нам приходится признаться, что мы не можем сложить их в какую-то осмысленную непротиворечивую конструкцию. Зачем Молотов в октябре 1940 года на переговорах с Гитлером выдвинул требование о введении советских войск в Болгарию и создании военных баз в районе Босфора и Дарданелл? Неужели Сталин надеялся, что Гитлер согласится наложить себе удавку на шею? Зачем в мае 1941 года Сталин перед многочисленными слушателями изложил свою концепцию наступательной войны против Германии? Чтобы поделиться с широкой общественностью своими сверхсекретными планами? Зачем 21 июня командующий Западным фронтом Павлов, лично посетив аэродром в районе Гродно, дал команду снять с самолетов вооружение? Кто его на это надоумил? В чем был смысл такого приказа? И т.д., и т.д.

Либо мы должны предполагать, что за всеми этими действиями лежит какой-то целесообразный сталинский план, либо мы должны признать его не просто безумным (авантюристом, фанатиком и т.п.), а и к тому же дебильным, не понимающим, чего же он, собственно, добивается - испугать ли Гитлера мощью своей армии или же, напротив, не вспугнуть его до начала собственного наступления. Я не собираюсь идеализировать Сталина - по моему мнению, он был ничуть не лучше Гитлера, -

но нет никаких оснований считать его умственно отсталым, он достаточно ловко и последовательно добивался своих целей. И потому мы должны постараться понять логику его действий.

У нас нет никаких оснований ожидать, что «в архивах» отыщется некая бумага что это могло бы быть? протокол заседания Политбюро? - в которой Сталин изложил свой план действий. Это не более вероятно, чем появление плана ограбления банка (заранее составленного и заверенного собственноручными подписями членов банды) на столе у следователя? Что бы и кому бы ни говорил Сталин по этому поводу, его слова не могут быть подтверждением того, что он, действительно, собирался поступать именно так, а не иначе. Мы вовсе не можем верить ему на слово. Остается единственный способ что-либо понять - исходить из того, что поступки всех действующих лиц рациональны. Мы не должны приписывать им свои интересы, а должны реконструировать их интересы и планы из их поведения, предполагая, что они знали, что делают (хотя и ясно, что такой подход - идеализация реальности, но другого у нас просто нет).

Рассмотрим только один факт, который выгодно отличается от множества запутанных событий 1939-1941 годов своей, если можно так выразиться, «экспериментальной чистотой». в апреле 1941 года, через несколько дней после подписания югославско-германского договора о сотрудничестве в стране происходит военный переворот с денонсацией этого договора; причем СССР немедленно признает новую власть и подписывает с Югославией собственный договор, чтобы ни у кого не оставалось ни малейших сомнений в том, кто стоял за спиной заговорщиков. Как мы можем объяснить поведение Сталина? Чего он добился этим экстравагантным поступком?

Сначала послушаем вражескую сторону - как они объясняли сталинское поведение в этом случае:

21.06.41 Берлин. Немецкий переводчик рассказывает о посещении советским послом германского МИД непосредственно перед началом войны [3]:

«Деканозов приступил к изложению дела... Но едва он начал, как Риббентроп с каменным выражением лица прервал его со словами: «Теперь вопрос об этом уже не стоит. Враждебное отношение советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую представляет концентрация русских войск на восточной границе Германии вынуждают рейх принять военные контрмеры». Риббентроп не употребил таких слов, как «война» или «объявление войны»... Затем он зачитал короткий, но пламенный список «преступлений», **особенно в отношении Пакта, заключенного Советской Россией с Югославией как раз перед началом войны между этой страной и Германией** [здесь и далее выделено мной - Н.В.].

21.06.41 Выдержки из ноты МИД Германии [4]:

«Что касается Югославии, то правительство рейха располагает документами, свидетельствующими о том, что югославский посланец Георгиевич уже в мае 1940 года после беседы с господином Молотовым пришел к выводу, что там Германию считают «грозным врагом завтрашнего дня». Еще более однозначным было отношение Советской России к изложенным сербскими военными просьбам о поставке оружия. В ноябре 1940 года начальник Генерального штаба Советской России заявил югославскому военному атташе: «Мы дадим все необходимое и немедленно». Право установления цен и порядка оплаты предоставлялось белградскому правительству, и ставилось только одно условие: держать в тайне от Германии. Позднее, когда правительство Цветковича сблизилось с государствами оси, в Москве начали затягивать поставки оружия: об этом было коротко и ясно заявлено в военном министерстве Советской России югославскому военному атташе. **Организация белградского путча 27 марта этого года была кульминационным моментом этой подпольной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против рейха. Сербский организатор этого путча и руководитель «Черной руки» господин Зимич до сих пор находится в Москве и в тесном контакте с органами пропаганды Советской России и сейчас развертывает там активную деятельность против рейха.**

... Это было с жесткой ясностью отражено в русском документе, найденном после оккупации в советской миссии в Белграде, в котором говорится: «СССР отреагирует лишь в подходящий момент. Государства оси еще больше расплыли свои вооруженные силы, и поэтому СССР **внезапно нанесет удар по Германии**».

...С возникновением Балканского кризиса в начале апреля этого года усиливающаяся с этого времени агрессивная политика Советского правительства по отношению к германскому рейху и до сих пор в некоторой степени **завуалированное сотрудничество между Советским Союзом и Англией становятся очевидными всему миру**. Сегодня однозначно установлено, что путч,

затеянный в Белграде после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был устроен Англией с согласия Советской России. Уже давно, а именно с 14 ноября 1940 года, Россия тайно вооружала Югославию против государств оси. Бесспорным доказательством этому являются документы, попавшие в руки правительства рейха после занятия Белграда, которые раскрывают каждую фазу этих русских поставок оружия Югославии...»

21.06.41 Личное послание Гитлера [5]:

«Дуче, я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также бесконечное нервное выжидание, закончилось принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России, а также после ознакомления с многочисленными другими донесениями.

... Вы видите, дуче, что **на нас накидывают петлю**, не давая фактически времени что-либо предпринять... Поэтому после долгих размышлений я пришел к выводу, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута...»

22.06.41 Из обращения Гитлера к немецкому народу [6]:

«...Но если требовалось последнее доказательство того, что, несмотря на все опровержения и маскировку, возникла коалиция между Англией и Советской Россией, то его дал югославский конфликт.

Пока я предпринимал последнюю попытку умиротворения Балкан и, разумеется, вместе с дуче предложил Югославии присоединиться к Тройственному пакту, Англия и Советская Россия совместно организовали путч, и за одну ночь устранили тогдашнее правительство, готовое к взаимопониманию. Сегодня об этом можно рассказать немецкому народу: антигерманский государственный переворот в Сербии произошел не только под английскими, но и, прежде всего, под советскими знаменами.

...Тем самым Москва не только нарушила положения нашего пакта о дружбе, но и жалким образом его предала».

Мы, конечно, вовсе не должны верить Гитлеру и его соратникам на слово - они говорят то, что считают для себя выгодным. Вряд ли Гитлер был действительно искренним даже со своим «другом» Муссолини. Но почему они так упирают на Югославию? Что здесь для них выгодного? Ясно, что содержание германской ноты предназначено не для «советского правительства» - бессмысленно доказывать Сталину, что его нельзя считать настоящим другом Гитлера, - он и сам это хорошо знает. Приведенные в ноте обоснования для объявления войны (с упором на Югославию) предназначены для третьих лиц. Следовательно, те, кто эту ноту готовил, считали, что пример с Югославией наиболее ярко иллюстрирует агрессивные планы и коварство СССР по отношению к Германии. Каковы бы ни были реальные мотивы, заставившие Гитлера отдать приказ о нападении, для оправдания своих действий он выбрал поведение Сталина в Югославии. И как бы нам не был противен Гитлер, мы вынуждены согласиться, что в его обвинительной риторике есть свой резон.

Вот как сегодня оценивает политику Сталина - с международно-правовой стороны - наш отечественный автор [7]:

«Говоря о статье IV пакта, необходимо упомянуть вот о чем. 5 апреля 1941 года был заключен договор о дружбе и ненападении между Союзом ССР и Югославией. Этот договор был подписан всего через несколько дней после того, как в Югославии (в ночь с 26 на 27 марта 1941 г.) произошел государственный переворот, в результате которого у власти оказалось проанглийское, антифашистское правительство во главе с генералом Д. Симовичем. Сразу же после 27 марта югославский Генеральный

штаб вместе с греческим Генеральным штабом и верховным командованием высадившейся в Греции британской экспедиционной армии начали активно готовиться к совместным операциям против Германии и Италии. В этих условиях СССР и считал для себя целесообразным подписать с новым югославским правительством пакт, статья 2 которого налагала на стороны обязательства "соблюдать политику дружественных отношений" по отношению к той из договаривающихся сторон, которая станет объектом нападения со стороны третьего государства. Таким образом, названная статья говорила не о нейтралитете сторон в случае нападения на одну из них третьей державы, а подразумевала обязательство взаимопомощи. В ситуации, существовавшей в апреле 1941 г., статья 2 советско-югославского договора о дружбе и ненападении означала поддержку Советским Союзом антигерманского правительства Югославии в случае его войны с Рейхом, неизбежность которой была очевидна (военные действия между Германией и Югославией начались уже на другой день после подписания советско-югославского пакта). Итак, с **заключением договора о дружбе от 5 апреля 1941 г. СССР фактически присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии**. Безусловно, что эти действия советского правительства противоречили статье IV советско-германского договора о ненападении, запрещавшей договаривающимся сторонам участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Подобно советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., советско-югославский пакт о дружбе и ненападении также не содержал положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе. Отказ СССР от включения в пакт с Югославией этой нормы означал, что **СССР более не считал себя связанным договором с Германией о ненападении, перейдя в стан ее военных противников**».

Более того, сегодня нет сомнений, что реакция СССР на путч в Югославии, выразившаяся в подписании советско-югославского пакта, не была спонтанным ответом на внезапно возникшие обстоятельства, а закономерным и заблаговременно планируемым актом. Советская разведка и тайная дипломатия долгое время готовили этот антигерманский переворот, косвенно согласовав его подготовку с Англией (так что и этого Гитлер не сочинил). П. Судоплатов, который участвовал в контактах с югославскими офицерами, пишет следующее [8]:

«Суть поручения состояла в том, чтобы, контактируя с Вышинским, вступить в неформальные доверительные отношения с послом Югославии в СССР Миланом Гавриловичем.

...Именно в это время Черчилль в секретном порядке обратился к Сталину с предложением отказаться от договоренностей с Германией и заключить военное соглашение с Лондоном против Гитлера...

Предложение англичан было явно провокационным, поскольку буквально через две-три недели британский Форин-офис предал гласности секретное обращение Черчилля к Советским властям в открытой печати, с целью обострить и осложнить советско-германские отношения. По времени это совпало с известным визитом в Германию главы Советского правительства Молотова в ноябре 1940 года.

В этих условиях после возвращения Молотова из Берлина было принято высшим руководством решение использовать инициативу Гавриловича для негласной, незаметной для немцев координации действий Англии и Советского Союза на Балканах.

...Тогда же возникла идея реализации замысла, который был отвергнут в 1938 году, по свержению правительства Стоядиновича в Югославии, на чем в свое время настаивал Бенеш.

...Хотя Гаврилович не питал никаких симпатий к советскому режиму, он пришел к нам сам осенью 1940 года вместе с военным атташе Поповичем. Их интересовал вопрос о поставках советского оружия Югославии. Хотя вопрос был очень принципиальным и созвучным с кризисом в Югославии, для нас он был, что называется, обоюдострым. **...поскольку югославы сотрудничали с венграми, мы были уверены, что любые наши договоренности о поставках оружия, станут известны немцам. ... При участии такого количества людей вряд ли возможно было все сохранить в тайне.** К тому же англичанам очень нравилось поддразнивать немцев. В результате произошел крупный скандал - спровоцированная англичанами утечка в американские газеты о том, что Советский Союз и Югославия ведут тайные переговоры о военном сотрудничестве. **...Быстрый разгром Югославии для нас не стал полной неожиданностью: слабость сербской позиции была ясна заранее.**

...Для нас, как уже говорилось, было важным не оказаться в глазах немцев втянутыми в какие-либо серьезные внешнеполитические переговоры со злейшим врагом Гитлера Черчиллем...

От редакции: Благодаря перевороту югославских военных и последовавшим за ним нападением на Югославию, была отсрочена война Германии с СССР на целый месяц».

Сколько бы ни лгал Судоплатов в своих воспоминаниях, трудно предположить, что он от начала и до конца выдумал историю с подготовкой переворота, тем более что и внешняя канва событий хорошо с этим согласуется. Следовательно, подготовка - под прямым руководством Сталина - шла несколько месяцев и привела к желаемому результату. Как это можно совместить с тем, что «было важным не оказаться в глазах немцев втянутыми в какие-либо серьезные внешнеполитические переговоры со злейшим врагом Гитлера Черчиллем», о чем Судоплатов пишет буквально через несколько строчек? И это все на фоне того, что Сталину известен планируемый срок нападения Гитлера на СССР - 15 мая, то есть через полтора месяца после описываемых событий. Вставка «от редакции» этим и обусловлена: чувствуется нужда хоть в каком-то разумном мотиве для таких действий.

На мой взгляд, возможны два способа рассматривать эти события, исходя из приписываемых Сталину планов:

1. СССР готовится к оборонительной войне. Сталин надеется, что Гитлер не решится напасть на СССР, и страшится планируемого Гитлером нападения, потому что СССР еще не полностью готов к войне. Задача Сталина - убедить Гитлера в том, что СССР лояльно выполняет соглашения и не предпринимает никаких активных действий против Германии. Ясно, что с такой «общепринятой» точки зрения действия СССР в Югославии никакого рационального объяснения не имеют.

2. СССР готовится к наступательной войне. Сталин уверен, что Гитлер не решится напасть на СССР, и надеется, что Гитлер не ожидает нападения со стороны СССР. Задача Сталина - убедить Гитлера в том, что СССР лояльно выполняет соглашения и не предпринимает никаких активных действий против Германии. С такой точки зрения все выглядит не менее бессмысленно.

Чего мог добиться Сталин, показав Гитлеру свою нелояльность и способность договориться с Черчиллем? Пример Югославии хорош тем, что вся советская деятельность свелась к символическому жесту - переворот в Югославии никоим образом не мог изменить баланса сил и, если СССР не собирался всерьез ввязываться в германско-югославский конфликт, ничем не мог помочь положению нашей страны. Не слишком скрываемое участие СССР в перевороте носит знаковый характер - это сообщение участникам игры (Гитлеру, Черчиллю и прочим): несмотря на формальные договоры мы не считаем себя союзниками Германии - она наш враг. Именно так поняли смысл сообщения англичане. Но точно так же должен был понять его смысл и Гитлер. Фактически, как пишет Пронин, это объявление войны Германии. Зачем было торопиться с таким объявлением, когда к обороне или к наступлению были еще не готовы и немедленных боевых действий начинать не собирались? Рассмотренные два варианта сталинских планов предстоящей войны не позволяют приемлемо объяснить его реальное поведение в данном вопросе.

Единственная рациональная причина такого поведения - это подача недвусмысленного сигнала Гитлеру о том, что СССР не оставил намерений захватить в Европе все, что только сможет, и только дожидается удобного момента для этого. Гитлер должен еще раз осознать, что СССР не является тылом для Германии, что это для него фронтальная зона. Вопрос с СССР надо как-то решать, и как можно скорее.

И тогда мы вынуждены предположить третий вариант: Сталин намеренно провоцировал Гитлера на открытое военное выступление против нашей страны.

Как ни парадоксально это предположение, но оно внутренне логично и давно уже приходило в голову тем, кто пытался реконструировать ход событий, предшествовавших 22 июня 1941 года, и выяснить мотивы поведения противоборствующих сторон. Еще в 1984 году В.Юровицкий написал большую статью, в которой доказывал существование своеобразного «сговора» между Сталиным и Гитлером. По мнению автора, Сталин сознательно содействовал Гитлеру при его нападении на СССР и своими приказами и распоряжениями помог ему разгромить Красную армию на первом этапе войны. Позднее о стремлении Сталина подтолкнуть гитлеровскую Германию к нападению на Советский Союз писали В.Поторочин, К.Эрос, и, вероятно, другие, неизвестные мне, авторы [9]. Я не могу согласиться с мотивами, которые в этих работах приписываются Сталину для объяснения его «своеобразного», мягко говоря, поведения, но сам тезис о настойчивом стремлении Сталина

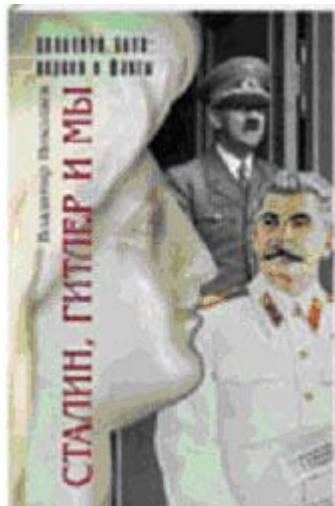
«вызвать огонь на себя» звучит очень убедительно - это единственный возможный взгляд на события, который позволяет усмотреть какую-то целесообразность в действиях высшего советского политического и военного руководства перед началом войны.

Не вдаваясь в подробное обсуждение вероятных планов Сталина, связанных с предстоящей войной - это потребовало бы много места и увело бы нас далеко в сторону от конкретной темы данной статьи - все же надо дать какой-то ответ на принципиальный вопрос: в чем могла состоять выгода для Сталина в случае, если Гитлер ударит первым. Эта выгода не очевидна иначе еще в 1941 году все участники «большой игры» верно истолковали бы поведение Сталина, и Гитлер не попался бы на его удочку, не стал бы разыгрывать ту роль, которая была ему предусмотрена в сталинском плане войны. Но такая выгода, несомненно должна быть, раз Сталин сделал все для такого оборота событий.

Я думаю, что объективная основа для понимания сталинских расчетов дана в книге М.Солонина, и потому третий вариант объяснения истинных мотивов Сталина следует рассматривать не как самостоятельную гипотезу, а как неизбежный вывод из концепции войны, изложенной в этой книге, - так должен был вести себя Сталин, если он верно понимал происходящее.

Солонин убедительно доказывает, что Красная Армия «не хотела и не могла воевать», несмотря на всю свою потенциальную мощь. У кадровой армии (а если брать шире, то и у населения страны в целом) не было мотивации для серьезной войны. Но это значит, что никакого стремительного марш-броска на Берлин и Париж в этих условиях быть не могло. Армия еще могла легко оккупировать Галицию и Бессарабию (и то лишь потому, что румыны и поляки не оказывали никакого реального сопротивления), но уже в Финляндии выяснилось, что победного марша не получается и результаты никак не соответствуют приложенным усилиям (точнее сказать, именно соответствуют, поскольку непосредственно участвующие в военных действиях люди не были жизненно заинтересованы в победе). Ясно, что никакого быстрого разгрома Германии ждать не приходилось. Никто не хотел напрягаться, рисковать и умирать ни за «Босфор и Дарданеллы», ни за «победу революции в мировом масштабе» (вот сходить в Прибалтику «за зипунами» - это еще куда ни шло). И это, видимо, было понятно не только Сталину, но и всей тогдашней верхушке, какие бы «завоевательные планы» они ни обсуждали на своих совещаниях и сколько бы планеров ни строили - цену всему этому они знали, хотя, конечно, даже жене в этом бы не признались. (Можно ли себе представить, чтобы самый тупой майор из Штаба гражданской обороны считал проводящиеся под его руководством «мероприятия по подготовке к атомной войне» серьезным делом - это ведь все игра для начальства, которое и само отлично все понимает). Вероятно, именно поэтому они и восприняли крах первых дней войны, как совершенно неизбежный результат всей своей предшествующей деятельности.

Поэтому для осуществления своих планов - действительно, завоевательных - Сталину требовалось реально мотивировать своих подчиненных, начиная от маршалов и кончая сменным мастером на уральском заводе. Они должны были начать действовать (воевать всерьез) не потому, что они боялись сталинского гнева (что он мог с ними еще сделать после всего, что уже было), а потому что это стало их личным (и общим для всех) жизненным интересом. Заставить всех воевать не на жизнь, а на смерть, могла только смертельная угроза всеобщему существованию, то есть заставить воевать Страну Советов мог только Гитлер - и он (согласно сталинскому плану, который мы предполагаем) эту поставленную перед ним задачу с честью выполнил (да ему и деваться было некуда).

Солонин говорит, что настоящая - отечественная - война началась только после того, как враг захватил полстраны (именно это утверждение - центральное в книге, здесь находится нерв солонинской концепции, с которой начинается, наконец-то, реальное изучение истории этой войны). И значит, война началась, когда основная часть населения страны - и политработники, и майоры с капитанами, и сотрудники НКВД, и еврейская интеллигенция, и бывшие монархисты, и председатели колхозов, и красноярские рабочие - поняли, что с Гитлером шутки плохи: либо мы его сокрушим, либо мы все содохнем - и уже неважно, пойдет ли наша победа на пользу Сталину и членам горкомов - сейчас мы с ними в одной лодке. А потому: «За Родину! За Сталина!». И, предвидя это,

Сталин сознательно вел дело к такому результату.

Таким образом, рациональное объяснение кажущегося неразумным поведения Сталина в первой половине 1941 года сводится к следующему:

Советский Союз готовится к наступательной войне. Однако, Сталин понимает, что вся эта подготовка - очередная советская липа и туфта, поскольку воевать никто не хочет и не будет. Чтобы народ поднялся на войну, нужна смертельная внешняя угроза, а ее может создать только решение Гитлера развязать войну с СССР. Следовательно, нужно укрепить его в этом решении - он мучительно размышляет, сомневается и боится принять такое решение, его нужно убедить, что другого выхода у него нет - мы его так не оставим. Можно, конечно, напасть самим, объяснив это как превентивный удар по сосредотачивающимся немецким войскам, эффект будет практически тот же, но все же во многих отношениях будет гораздо удобнее, если Германия вероломно нападет первой. И мы ее заставим это сделать.

Примечания

[1] «Я пришел к такому выводу, и со мной соглашаются товарищи, бывшие наши военачальники и историки, с которыми пришлось беседовать, что если бы наши вооруженные силы были вовремя приведены в боевую готовность, что зависело всецело от Сталина, то мы, конечно (не следует закрывать на это глаза), в короткий срок, буквально в несколько дней — так показывает анализ событий, анализ наших вооруженных сил могли бы в течение нескольких дней отразить агрессию и перенести военные действия на территорию противника. Несмотря на ряд других причин, связанных со строительством и подготовкой вооруженных сил, если бы наши приграничные округа были приведены в состояние полной боевой готовности, если бы наши войска прикрытия были там, где им следовало быть, а летчики были бы на аэродромах, вряд ли наши вооруженные силы по крайней мере отошли бы до рубежа Днепра и война не была бы столь длительной. Так показывает анализ». (Анфилов В.А. Выступление на обсуждении книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва, 16 февраля 1966 года. (Стенограмма). // Некрич А.М. 1941, 22 июня. М.: Памятники исторической мысли, 1995).

[2] Солонин М. Бочка и обручи, или Когда началась Великая Отечественная война? Дрогобыч: Відродження, 2004 (Второе издание книги под названием «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?» М.: Эксмо, Яуза, 2005)

[3] Шмидт П. Переводчик Гитлера. — Смоленск: Русич, 2001. (Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne, 1923-45. — Bonn: Athenaeum, 1949.) - <http://militera.lib.ru/memo/german/schmidt/index.html>

[4] Нота МИД Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года. http://new-history.narod.ru/alter_01.htm

[5] Гитлер А. Письмо Б. Муссолини от 21 июня 1941 г. - http://new-history.narod.ru/alter_01.htm

[6] Гитлер А. Обращение к немецкому народу в связи с началом войны против Советского Союза 22 июня 1941 года. - http://www.hronos.km.ru/dokum/194_dok/1941gitler.html

[7] Пронин А.А. Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия. // Международный исторический журнал, №№ 10-12, 2000 - <http://militera.lib.ru/h/pronin/index.html>

[8] Судоплатов П.А. Из воспоминаний советского разведчика. - <http://www.whoiswho.ru/russian/Curnom/62001/game.htm>

[9] Юровицкий В. Первая тайна Великой Отечественной войны. - <http://www.yur.ru/history/index.htm>

Поторочин В.В. Сталин: «Воевать с Германией буду на своей территории!» или зачем Сталину Финляндия? - М., 1996

Эрос К. Война по сценарию Сталина. // НГ-военное обозрение, 2000, 12 августа - http://nvo.ng.ru/history/2000-12-08/5_stalin.html